

Александр Восьмой

**Ветер над разбитыми
мостами**

Александр Восьмой

Ветер над разбитыми мостами

<https://litres.ru/74023221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мосты между островами рушатся один за другим, остаётся только ветер, который помнит старые песни. Мальчик по имени Кай учится читать эти песни, чтобы восстановить связь между людьми. Но чем громче он поёт, тем ближе подступает буря, жаждающая стереть все мосты навсегда.

Александр Восьмой

Ветер над разбитыми мостами

Глава 1. «Шёпот последнего моста»

Рыбацкая деревушка цеплялась за край острова, будто боялась соскользнуть в бескрайнее море. Дома здесь стояли тесно, прижавшись друг к другу, как дети, ищущие тепла в холодную ночь. Их крыши были покрыты потемневшей от соли черепицей, а стены — испещрены царапинами ветра, который годами пытался что-то выцарапать на дереве, словно хотел оставить послание.

Кай сидел на краю причала, свесив ноги над водой. Волны лениво бились о сваи, будто пытались что-то рассказать, но он не умел слушать. В руках у него была деревянная флейта — подарок отца, который ушёл в море и не вернулся. Кай не играл на ней: всякий раз, поднося её к губам, он слышал не музыку, а тишину, которая казалась слишком громкой.

Ветер сегодня был не таким, как всегда. Он не просто гудел в щелях домов и трепал верёвки, развешанные для просушки. Он пел.

Сначала Кай подумал, что это обман слуха — игра волн и скрипучих досок. Но потом мелодия стала чётче, будто кто-то невидимый выводил ноты, осторожно подбирая каждую.

Это была грустная песня, в которой слышался плеск воды, скрип канатов и далёкий крик чайки, застывший в воздухе, как капля смолы в янтаре.

— Ты слышишь? — прошептал Кай, оборачиваясь к пустому причалу.

Никто не ответил. Но ветер повторил фразу — чуть громче, будто подбадривая мальчика прислушаться.

В тот вечер старейшина деревни, седой и сутулый, словно сам был частью старого дерева, собрал жителей у большого очага. Пламя трещало, отбрасывая дрожащие тени на лица людей, и казалось, что даже огонь слушает его слова.

— Когда-то мосты между островами были не просто деревом и камнем, — говорил старейшина, и голос его звучал как эхо из глубины веков. — Они держались на песнях. Каждый мост имел свою мелодию — ту, что сплетала голоса всех островов в единый хор. Пока люди пели вместе, мосты стояли. Но со временем они перестали слышать друг друга. Слова терялись в шуме ветра, а песни — в криках чаек. И мосты начали рушиться.

Дети жались к родителям, ловя каждое слово, будто оно было тёплым угольком, который можно спрятать в ладонях и нести сквозь холод. Кай сидел в самом дальнем углу, и ему казалось, что эта легенда — про него. Будто он был тем самым потерянным словом, которое никто не мог расслышать.

— А если кто-то снова начнёт петь? — тихо спросил он, когда рассказ подошёл к концу.

Старейшина посмотрел на него долгим взглядом, в котором смешались усталость и странная надежда.

— Тогда, может быть, мосты начнут возвращаться. Но это опасная песня. Она будит не только камни, но и бурю. Ветер помнит всё, что было утрачено, и не всегда хочет, чтобы это вернулось.

Ночь опустилась на деревню, укутав её в плащ из звёзд и тишины. Кай вышел на причал. Ветер теперь не пел — он шептал, будто делился тайной, которую нельзя было доверить даже огню. Мальчик закрыл глаза и попытался повторить услышанное. Сначала у него ничего не получалось: вместо мелодии выходил лишь дрожащий вздох. Но потом что-то щёлкнуло внутри, как поворачивается ключ в старом замке, и звук вырвался наружу — чистый, тонкий, похожий на луч света в тёмной воде.

И в тот же миг последний мост, соединявший их остров с соседним, содрогнулся.

Треск раздался не сразу — сначала была долгая, звенящая пауза, будто мир затаил дыхание. А потом камень застонал, канаты лопнули, как натянутые нервы, и арка моста рухнула в море, подняв фонтан брызг, который на мгновение застыл в воздухе, словно пытался вернуться назад, в ту секунду, когда всё ещё было целым.

Кай отшатнулся, выронив флейту. Она покатилась по доскам и замерла у самого края, будто тоже боялась посмотреть вниз.

Море приняло обломки с тихим вздохом, и волны тут же начали растаскивать их в разные стороны, словно хотели скрыть следы преступления. Но Кай знал: это не случайность. Его голос разбудил что-то древнее и опасное.

Он стоял, дрожа, и ветер больше не шептал — он кричал, и в этом крике мальчик вдруг различил слова, которых раньше не слышал:

«Ты начал. Теперь нельзя останавливаться».

Кай поднял флейту, крепко сжал её и посмотрел в темноту, туда, где исчезали остатки моста. Он не знал, что ждёт его впереди, но одно понял точно: ветер говорил с ним, и только он мог ответить.

Глава 2. «Песня, что ломает камни»

Утро выдалось серым, будто небо умылось солёными слезами и теперь не знало, плакать ему дальше или наконец проглянуть солнцем. Кай проснулся от странного ощущения: воздух в его маленькой комнате был не таким, как всегда. Он звенел. Тонко, едва уловимо — как натянутая струна, которая вот-вот сорвётся.

Мальчик встал, подошёл к окну и увидел, что деревня замерла. Не в тишине — в ожидании. Рыбаки стояли у лодок, не расправляя сетей. Женщины, уже собравшиеся идти к берегу за водорослями, застыли с корзинами в руках. Даже де-

ти, обычно носившиеся по узким улочкам, сбились в кучку у колодца и смотрели в сторону прибрежных скал.

Кай вышел наружу. И тут он услышал это снова — ту самую мелодию, что шептал ему ветер прошлой ночью. Только теперь она звучала не внутри его головы, а снаружи, будто сама земля пыталась пропеть её, но не знала слов.

Он поднял флейту, которую вчера так и не выпустил из рук, и поднёс её к губам. В груди что-то сжалось — страх, восторг, предчувствие чего-то огромного и неизбежного. И он заиграл.

Сначала звук был робким, как первый луч солнца, пробивающийся сквозь тучи. Но чем увереннее становился ритм, тем сильнее менялся мир вокруг. Воздух над водой начал дрожать, будто реальность на мгновение потеряла фокус. Волны перестали биться о берег — они замерли, вытянувшись в ровные дуги, словно прислушивались.

А потом скалы ответили.

С тихим, но отчётливым треском по поверхности прибрежного утёса пробежала тонкая, как волос, трещина. Она расползлась, как молния по тёмному небу, и в том месте, где её край коснулся старого, почерневшего от времени камня, камень рассыпался мелкой пылью, будто был не твёрдой породой, а засохшей глиной.

Из деревни донёсся крик. Потом ещё один. Люди бежали прочь от берега, указывая на скалы, на Кая, на небо, будто искали, на кого свалить вину за то, что мир вдруг стал хруп-

ким.

— Прекрати! — закричал кто-то. — Ты сломаешь нам дома! Ты обрушишь утёсы!

— Перестань играть! — подхватили другие, и голоса слились в единый испуганный гул, который заглушил даже ветер.

Кай опустил флейту. Трещины на скале замерли, но не исчезли. Они остались — как шрамы, как доказательство того, что он не сошёл с ума, что это действительно произошло.

И тогда из тени руин, там, где когда-то начинался тот самый последний мост, вышел человек.

Он был старым, но не дряхлым — в нём чувствовалась сила, словно годы не истончили его, а закалили, как сталь в огне. Его одежда была покрыта пылью и паутиной, будто он долго прятался в заброшенных местах. В руках он держал тяжёлый молоток и кусок потемневшего от соли дерева — словно даже в руинах продолжал что-то чинить.

— Не камни ты ломаешь, — тихо, но твёрдо произнёс он, подходя к Каю. — А тишину, что скрывает правду.

Голос мастера звучал так, будто каждое слово было выточено из камня и отполировано ветром.

— Кто ты? — прошептал Кай, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Тот, кто помнит, как строили мосты, — ответил старик. — Меня зовут Торн. Я был мастером-мостостроителем, пока люди не решили, что мосты можно делать из одних только

досок и гвоздей.

Он подошёл ближе, посмотрел на флейту в руках мальчика, потом — на трещины в скале. В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость, смешанную с тревогой.

— Ты слышишь ветер, — сказал Торн. — Это редкий дар. Но слышать — мало. Нужно понимать, о чём он кричит, а о чём молчит. Ветер не просто поёт — он рассказывает истории. И если не знать, как слушать, можно разрушить то, что ещё можно спасти.

Жители деревни всё ещё стояли поодаль, перешёптываясь и бросая на Кая испуганные взгляды. Кто-то показывал на трещины, кто-то — на мастера, будто не зная, кого бояться больше.

— Он опасен! — выкрикнул один из рыбаков. — Он ломает скалы! Что будет завтра? Обрушится ли утёс на наши дома?

Торн медленно повернулся к ним. Его взгляд был спокойным, но в нём чувствовалась тяжесть веков.

— Вы боитесь не мальчика, — произнёс он. — Вы боитесь того, что он возвращает. Вы забыли, что мосты — это не просто дороги между островами. Это память. Это голоса тех, кто жил до вас, и тех, кто будет жить после. Когда вы перестали слышать эти голоса, мосты начали рушиться. А теперь, когда кто-то снова их слышит, вы хотите заткнуть ему рот.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и горькие, как капли смолы. Рыбаки опустили глаза. Женщины крепче прижали

к себе детей.

Торн снова посмотрел на Кая.

— Если ты хочешь научиться управлять этой силой, тебе придётся пойти со мной, — сказал он. — Я научу тебя слышать не только ветер, но и то, что ветер пытается скрыть. Потому что в его песнях есть не только прошлое — в них прячется и будущее. И буря, что идёт за тобой, тоже поёт. Ты должен научиться различать её голос, пока она не заглушила все остальные.

Кай сжал флейту так сильно, что дерево чуть не треснуло. Он посмотрел на деревню, на испуганные лица людей, которые ещё вчера казались ему родными, а сегодня — чужими. Потом — на трещины в скале, на тёмную воду, в которой отражалось серое небо. И наконец — на старого мастера, в глазах которого он увидел не осуждение, а понимание.

— Я пойду с тобой, — тихо, но твёрдо сказал Кай. — Научи меня слышать правду.

Торн кивнул.

— Тогда начнём с самого трудного, — произнёс он, указывая на скалу. — С того, чтобы услышать тишину между нотами. Потому что именно в ней прячется сила, способная не только ломать, но и строить.

Они пошли вдоль берега, туда, где руины старого моста цеплялись за утёс, словно хотели снова подняться в небо. Ветер кружился вокруг них, шептал, пел, пытался сбить с пути. Но теперь Кай старался не просто слушать его — он вслуши-

вался в паузы, в те мгновения, когда ветер замолкал, будто набирал дыхание перед новой песней.

И в этих паузах он начинал различать что-то новое — не слова, а чувства: тоску по утраченному, надежду на возвращение, страх перед бурей... и тихий, упрямый зов, который звал его вперёд.

Глава 3. «Осколки памяти в солёной воде»

Море в тот день было не синим и не зелёным — оно было серым, как старое серебро, покрытое патиной времени. Волны катились к берегу не спеша, будто несли на своих гребнях тяжёлые воспоминания, которые не решались отдать суше.

Торн молча готовил лодку — простую, узкую, с потемневшими от соли бортами, которая, казалось, знала каждый каприз этих вод. Он проверял верёвки, ощупывал доски, словно разговаривал с лодкой без слов, и время от времени поглядывал на Кая, стоявшего у кромки воды. Мальчик сжимал в руках флейту, будто она была единственным якорем, удерживающим его от того, чтобы не улететь вместе с ветром.

— Сегодня мы пойдём не туда, где видно дно, — наконец произнёс Торн, не поднимая глаз. — Мы пойдём туда, где дно помнит.

Кай сглотнул. Он никогда не нырял глубоко. В деревне

дети плескались у берега, ловили крабов между камней, но дальше, туда, где вода становилась тёмной и плотной, как застывший воздух, никто не заплывал. Говорили, что там живут тени утонувших мостов.

Лодка скользнула по воде, и с каждым гребком берег становился всё меньше, а небо — всё выше, будто пыталось накрыть их целиком. Ветер кружил над ними, шептал что-то неразборчивое, и Кай вдруг понял: он больше не боится его голоса. Теперь он пытался вслушаться, отделить шёпот от крика, правду от обмана.

Когда лодка остановилась над тем местом, где, по словам Торна, когда-то стояла центральная опора Великого Моста, старик снял с борта тяжёлый камень на верёвке.

— Это не просто груз, — сказал он. — Это ключ. Он утянет тебя туда, где кончается свет. Держи его крепко, но не бойся отпустить, когда придёт время.

Кай кивнул, хотя внутри всё сжималось от страха. Он надел на шею кожаный мешочек, в который Торн положил маленький кусочек янтаря — «чтобы ты помнил, где верх, а где низ», — и глубоко вдохнул солёный воздух.

И нырнул.

Сначала было холодно. Холод обжигал кожу, сжимал грудь, заставлял хотеть вернуться. Но Кай плыл вниз, следуя за камнем, который тянул его в глубину, как упрямая рука прошлого. Свет таял, растворялся, превращаясь в бледные пятна, похожие на угасающие воспоминания. А потом и они

исчезли.

Вокруг была тьма, плотная и живая. Она шевелилась — это текла вода, это шевелились водоросли, это дышали глубины. И в этой тьме Кай вдруг услышал звук. Не шум воды, не треск пузырьков — а музыку.

Она шла не извне, а изнутри, будто сама вода была настроена на какую-то древнюю мелодию, и стоило прислушаться, как она начинала звучать. Кай закрыл глаза — под водой это было даже легче — и позволил себе раствориться в этом ритме.

А потом он увидел её.

Опору моста.

Она стояла внизу, огромная, изъеденная временем и морем, обвитая водорослями, словно седыми волосами. Камни были покрыты ракушками, а между ними, там, где стыки держались на забытых заклинаниях, тускло мерцали медные таблички. На каждой — по одному слову. Или по одной ноте.

Кай подплыл ближе. Его пальцы скользнули по металлу, стёрли слой соли и ила, и слово вспыхнуло в его сознании, как нота, сыгранная на невидимой флейте: «Помни».

Он сорвал табличку, сунул её в мешочек. Потом нашёл ещё одну: «Слушай». И ещё: «Не молчи». Каждое слово отзывалось внутри него, складываясь в мелодию, которую он ещё не мог спеть целиком, но уже чувствовал её форму — как чувствуешь очертания лица дорогого человека в темноте.

Но чем яснее становилась мелодия, тем сильнее менялась вода вокруг. Течение ускорилося, закружилось вихрями, водоросли взметнулись, будто пытались схватить его за руки. Где-то далеко, на поверхности, зарождался шторм — Кай чувствовал его даже здесь, в глубине: как нарастающий гул, как дрожь мира, который не хотел вспоминать.

Камень, привязанный к верёвке, вдруг дёрнулся вверх — Торн звал его назад. Кай оттолкнулся от опоры, чувствуя, как вода сопротивляется, будто не хотела отпускать того, кто начал возвращать прошлое.

Всплытие было долгим и мучительным. Лёгкие горели, сердце колотилось так, будто хотело вырваться и уплыть вперёд, к свету. Когда его голова наконец пробила поверхность, он глотнул воздух — и тут же услышал грохот.

Над архипелагом собиралось небо, чёрное и тяжёлое, как свинцовый занавес. Волны били по лодке, ветер выл, срывая пену с гребней. Шторм наступал — и Кай знал: это не просто погода. Это голос бури, которая не хотела, чтобы мосты вернулись.

Торн втащил его в лодку, сорвал с него промокшую одежду, укутал в грубое шерстяное одеяло. Его лицо было мрачным, но в глазах светилось нечто, похожее на уважение.

— Ты нашёл их, — тихо сказал он, глядя на мешочек, из которого Кай вытряхнул мокрые медные таблички. — Ты услышал.

Слова лежали на дне лодки, тусклые, но живые. Они зве-

нели, едва слышно, как будто боялись громко заявить о себе в этом ревущем мире.

— Но почему шторм? — прохрипел Кай, дрожа всем телом. — Почему море не хочет, чтобы мы вспоминали?

Торн посмотрел на небо, на волны, на мальчика, который только что вернулся из глубин, принёсших ему не просто металл, а осколки памяти.

— Потому что буря — это забвенье, — ответил он. — Она стирает следы, смывает имена, уносит голоса. А ты возвращаешь их. Каждое слово, которое ты поднимаешь со дна, — это гвоздь, которым ты прибиваешь мост к земле. И буря бьёт по этим гвоздям, пытаясь вырвать их.

Он наклонился, поднял одну табличку и провёл по ней пальцем, стирая соль.

— Теперь ты понимаешь: мы не просто собираем слова. Мы бросаем вызов буре. И она будет отвечать.

Кай посмотрел на таблички, на бушующее море, на старого мастера, который не отводил от него взгляда. И вдруг почувствовал, как внутри него рождается не страх, а решимость.

— Тогда я буду петь громче, — прошептал он. — Пусть буря слышит.

Торн едва заметно улыбнулся — так, будто услышал ту самую мелодию, которую ждал всю жизнь.

— Не громче, — поправил он. — Точнее. Громкость ломает. Точность строит.

Ветер взвыл, лодка качнулась, и архипелаг замер в ожидании: что сделает мальчик, который начал возвращать прошлое? Что прозвучит в его песне — и какой ценой?

Глава 4. «Тени, что ходят по волнам»

Рассвет в тот день не пришёл — он прокрался. Не золотым потоком, как бывает в добрых сказках, а тонкой, дрожащей полоской света, будто кто-то осторожно приоткрыл дверь в мир и тут же снова её прикрыл, боясь впустить слишком много солнца.

Кай стоял на самом краю утёса, там, где ветер был особенно настойчив, будто пытался что-то втолковать ему, но говорил на языке, который мальчик пока не умел понимать до конца. В руках у него по-прежнему была флейта — теперь она казалась не просто куском дерева, а чем-то живым, тёплым, будто впитывала его дыхание и возвращала его в виде лёгкого, едва уловимого гула.

И тогда он их увидел.

Сначала Кай подумал, что это просто игра тумана и волн: гребни пены поднимались, кружились, оседали, и в этих движениях мерещились очертания — то ли птиц, то ли людей, то ли чего-то совсем иного, не имеющего имени. Но потом фигуры стали чётче.

Они не плыли — они скользили. Не касаясь воды, но и не

отрываясь от неё, словно были сделаны из той самой границы, где море встречается с воздухом. Их силуэты то сгущались, то почти растворялись, как дым на ветру. И они шептали.

Слова доносились не ушами — они возникали прямо в груди, как эхо, которое рождается не снаружи, а внутри.

«Помни нас...»

«Мы здесь...»

«Ты один можешь услышать...»

Кай шагнул вперёд, сам не понимая зачем, будто его тянуло к этим теням невидимой нитью.

— Не подходи! — голос Торна ударил по воздуху, как резкий порыв ветра, и Кай замер, едва не сорвавшись с края.

Мастер стоял позади, крепко сжав кулаки. Его лицо было бледным, а в глазах читался не гнев — страх. Настоящий, древний страх, который не кричат, а прячут глубоко внутри, потому что знают: если дать ему волю, он может сломать даже самого сильного человека.

— Это не люди, — тихо, но жёстко произнёс Торн. — Это не духи и не призраки. Это эхо. Осколки голосов, которые буря не смогла до конца стереть. Они цепляются за любой звук, за любую живую душу, чтобы снова почувствовать себя настоящими.

Кай обернулся, не отрывая взгляда от теней.

— Но они зовут меня... — прошептал он. — Я знаю эти слова. Они как будто... мои.

Торн подошёл ближе, но не тронул мальчика — будто боялся, что одно прикосновение может спугнуть или, наоборот, толкнуть его туда, откуда не возвращаются.

— Именно так они и действуют, — сказал мастер. — Они берут обрывки твоих собственных воспоминаний, твоих страхов, твоих надежд — и сплетают из них приманку. Если ты пойдёшь за ними, они начнут забирать у тебя всё: сначала сны, потом имена, потом — твоё собственное «я». И однажды ты проснёшься, и не сможешь вспомнить, как тебя зовут. Ты станешь одним из них — тенью, скользящей по волнам, повторяющей чужие фразы, пока ветер не развеет и это.

Тени между тем не отступали. Напротив, они стали плотнее, их шёпот — настойчивее. Теперь в нём слышались не только просьбы, но и упрёки:

«Ты забыл нас...»

«Ты оставил...»

«Ты не слышишь...»

Кай сжал флейту так сильно, что дерево скрипнуло.

— А если я попробую ответить? — спросил он, глядя на Торна. — Если я спою им... не чтобы идти за ними, а чтобы дать им покой?

Мастер долго молчал. Его взгляд скользил по волнам, по теням, по лицу мальчика — и в этом взгляде была тяжесть веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.